САВРАСКА.

Отецъ мой былъ родомъ швейцарецъ, изъ Санкт–Галена, а въ Россіи принадлежалъ къ осколкамъ великой арміи.... Послѣ разныхъ переворотовъ, онъ наконецъ поселился вблизи Петербурга, на Выборгской сторонѣ; здѣсь купилъ онъ десятинъ пятьдесятъ землицы, обзавелся скотомъ и сталъ торговать молокомъ и скопами, а въ особенности масломъ. Дѣло шло порядочно, и мы, къ сожалѣнью, начали жить хорошо, то есть нѣсколько лучше, чѣмъ слѣдовало.

Мнѣ было лѣтъ тринадцать, какъ мы однажды вечеркомъ съ однимъ добрымъ пріятелемъ отца моего сидѣли у воротъ и смотрѣли на проѣзжихъ и прохожихъ. День былъ воскресный; хмѣльная чухна на одноколкахъ своихъ возвращалась домой изъ столицы, и тутъ было много смѣшнаго и забавнаго. И пѣсню веселаго чухонца

нельзя слышать безъ грустнаго смѣха, потому что пѣсня эта, а еще болѣе пріемы поющаго, выражаютъ какую–то дикость, смирившуюся подъ гнетомъ нужды и суровой природы. Одинъ лежалъ съёжившись въ тележонкѣ, спалъ непробуднымъ сномъ, а возжи тащились по землѣ; другой, невольно уступая дорогу встрѣчной коляскѣ, съ такимъ же спокойствіемъ вываливался въ придорожную канаву, какъ бы соскакивалъ у воротъ родной избёнки своей, пріѣхавъ благополучно на мѣсто; третій сидѣлъ верхомъ на упряжной клячонкѣ; ноги его, или по крайней мѣрѣ сапоги задѣвали носками за каменья или неровности каменистой дороги, а голова поматывалась направо и налѣво, смотря по толчкамъ; иной гналъ во весь духъ и кричалъ дикимъ и сиплымъ голосомъ; другой брелъ пѣшій, держа возжи въ рукахъ, небрежно подставлялъ шаткія ноги свои то подъ лошадь, то подъ телегу, и даже не замѣчалъ, когда колесо одноколки прокатывалось чрезъ широкую лапу его.

Въ числѣ этой дикой, веселой братіи, между прочими, ѣхалъ также чухонецъ, сидя верхомъ и скорчась уточкой, потому что ногами уперся онъ въ оглобли; въ одноколкѣ его лежалъ жеребенокъ, подымалъ голову отъ каждаго толчка и, поровнявшись съ нами, жалобно заржалъ. Я вскочилъ и ребячески вскликнулъ: «Дядюшка (такъ привыкъ я называть нашего пріятеля), дядя, купи жеребенка!»

Чухонецъ, услышавъ возгласъ мой, остановился и, продирая усильно–заволакиваемые хмѣлемъ глазки, повторилъ: «Купи жеребенка!» Дядя вразумилъ было меня, что это пустая затѣя; для чего покупать и куда дѣвать недѣльнаго жеребенка, которому пришлось бы еще нанять кормилицу; но чухонецъ уже свалился кулёмъ съ лошади, подошелъ къ намъ и сталъ приставать, какъ банный листъ, повторяя: «купи!» Дядя, желая отдѣлаться отъ неотвязнаго, махнулъ рукой и пошелъ во дворъ; но тотъ послѣдовалъ за нами, повторялъ неотступно свое, и наконецъ дружески поймалъ дядю за полу.

Я также продолжалъ упрашивать, и дядя, чтобъ отвязаться, спросилъ: «А что просишь?» — «Да что дашь?» — «Четвертакъ.» — «Давай деньги!» И прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, чухонецъ передалъ мнѣ жеребенка съ рукъ на руки.

Дядя отдалъ четвертакъ, чухонецъ уѣхалъ, а я, въ восторгѣ, понесъ жеребенка къ матушкѣ. Она до крайности изумилась и стала бранить дядю за эту выдумку, но онъ разсказалъ ей, какъ было дѣло, что вовсе не желалъ и не думалъ покупать находки этой, что она навязалась ему невѣдомо какъ, и что я всему этому былъ главный виновникъ. Матушка баловала меня; отецъ пріѣхалъ домой, сперва было нахмурился, но, убѣжденный разными доводами и случайностью этого событія, почти неотвратимаго, также сдался на общія просьбы наши и позволилъ пріобщить роковаго жеребенка къ домашней скотинѣ. Матушка опредѣлила въ кормилицы къ нему особую корову, и жеребенокъ зажилъ въ холѣ.

Я не могъ нарадоваться этому забавному животному, которое вскорѣ стало тѣшить все семейство наше и весь домъ. Жеребенокъ вышелъ саврасымъ, и потому получилъ кличку савраски. Онъ привыкъ къ рукамъ, какъ собачонка, шелъ на кличку, приходилъ за хлѣбомъ и сахаромъ въ комнаты, взбѣгалъ по ступенямъ крыльца, прыгалъ, рѣзвился, срывалъ по слову шапку съ головы, подавалъ поноску какъ лягавая, служилъ какъ моська, ласкался и терся какъ кошка, и шаловливо лягался, если его называли чухонцемъ.

Такимъ образомъ прошло два три года, и савраска, къ общему удивленію, все еще оставался жеребенкомъ. Минуло ему и четыре года; онъ бойко и послушно ходилъ у меня подъ сѣдломъ; словомъ, лошадка вошла во всѣ года, а росту не прибываетъ: она осталась прехорошенькимъ и презабавнымъ карликомъ, маштачкомъ.

Дядя вздумалъ объѣздить ее, и отецъ подарилъ мнѣ на ёлочку нарочно сдѣланную по савраскѣ упряжь и бѣговыя саночки. Савраску заложили, и оказалось,

во–первыхъ, что объѣзжать его ненужно: онъ сразу пошелъ, какъ–будто вѣкъ ходилъ въ хомутѣ; во–вторыхъ, что онъ былъ отличный рысачокъ и мчался въ саночкахъ вихремъ. Савраску стали закладывать чаще, и я катался на немъ въ одиночку день за день; при небольшой поѣздкѣ это вышелъ такой бѣгунъ, что на рысистомъ бѣгу, на Невѣ, обгонялъ многихъ, и всѣ дивовались. Вообразите же лошадёнку въ аршинъ съ четвертью, которая мчитъ за собою красивенькія салазки и легко обгоняетъ четырехвершковыхъ бѣгуновъ! Савраску стали замѣчать; охотники останавливались на улицахъ и смотрѣли за нимъ въ слѣдъ; крошка мой не разъ тѣшилъ и забавлялъ праздную, гуляющую толпу Невскаго проспекта.

Однажды дядя поѣхалъ на савраскѣ въ городъ, за дѣломъ, по хлопотамъ матушкинымъ: отецъ мой ужъ скончался въ это время, и разныя дѣла, денежныя и долговыя, крѣпко заботили бѣдную мать. Я упомянулъ уже, что мы пожили уже широконько; отецъ скончался и покинулъ

намъ одни долги. Дядя забавлялся, на обратномъ пути, пропуская мимо себя ухорскихъ ѣздоковъ разнаго рода, обгоняя ихъ затѣмъ шутя, осаживая и давая себя объѣхать и снова опереживая ихъ. Савраска отличался; всѣ прохожіе и проѣзжіе не могли на него налюбоваться.

Вотъ, между прочимъ, ѣдетъ парная, щегольская колясочка, и пара вороныхъ въ дышлѣ несется крупною, красивою рысью; кучеръ съ бородою во всю грудь, въ свѣтлозеленомъ кафтанѣ съ галунами и въ золотомъ кушакѣ, сдерживаетъ ихъ бѣлыми, какъ снѣгъ, шелковыми возжами; бѣлизна и блескъ ихъ почти не уступали блеску серебрянаго набора упряжи. Дядя пропустилъ коляску мимо себя и мигомъ обогналъ ее; баринъ внимательно смотрѣлъ на савраску и сказалъ что–то кучеру, который слегка оглянулся. Вскорѣ коляска опять объѣхала савраску, который былъ пущенъ шагомъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ опять помчался во всѣ лопатки: и баринъ и кучеръ глядѣли зорко на нашего котёнка; шелковыя возжи ослабли, вороныя

постепенно прибавляли рыси, начинали ужъ фыркать и покручивать головой; но савраска ушелъ отъ нихъ, какъ отъ стоячихъ.

Дядя далъ ему опять вольно вздохнуть и ѣхалъ шагомъ. Коляска, нагнавъ его, скромно взяла поправѣе, кучеръ не кричалъ: «пади–ди, берегись–ся!» а молча старался проѣхать нѣсколько саженъ рядомъ съ савраской, шагомъ. Наконецъ баринъ, облокотясь на поручень коляски и глядя на дядю, поднесъ руку къ шляпѣ, кивнулъ головою и спросилъ: «Чья это лошадь?» — «Моя.» — «А что она стоитъ?» — «Четвертакъ.» — «Дуракъ!»

Этимъ бесѣда на этотъ разъ кончилась. Дядя пріѣхалъ къ намъ, разсказалъ похожденія свои, и мы много смѣялись тому, что ему, какъ часто на свѣтѣ бываетъ, за правдивое слово сказали дурака. Разсудивъ, однакожъ, все спокойно, мы начали жалѣть о крутомъ, хотя и правильномъ отвѣтѣ дяди. Я сказалъ уже, что объ эту пору отца ужъ не было на свѣтѣ; матушка была очень–озабочена и

стѣснена мелочными долгами, непорѣшенными сдѣлками и разсчетами. «Можетъ быть» сказала матушка «баринъ этотъ и въ самомъ дѣлѣ далъ бы за савраску деньги; а намъ его скоро и дѣвать некуда; скотъ продается хорошо; а еслибъ случился покупщикъ на землю».... «Какія жъ это деньги» сказалъ дядя, «которыя вамъ выручилъ савраска! Да за него и тридцати цѣлковыхъ не дадутъ!» — «Что жь» отвѣчала озабоченная матушка: «и тридцать рублей — деньги; прежде сто рублей были большія деньги; это только со времени нашего счета на серебро, что тридцать цѣлковыхъ стали ни почемъ!»

Чрезъ нѣсколько времени дядя опять ѣздилъ въ городъ на савраскѣ и воротился съ вѣстью, что его не шутя торгуютъ. Кучеръ въ зеленомъ кафтанѣ съ галунами, отколѣ ни взялся, выслѣдилъ пристанище дяди въ городѣ и явился туда съ вопросомъ отъ барина: «Чья лошадь?» — «Моя» отвѣчалъ дядя. «А чего она стоитъ?» — «Четвертакъ.» — «Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, скажите безъ шутокъ»

просилъ кучеръ: «баринъ безпремѣнно приказалъ узнать, сдѣлайте милость!» — «Да я и не шучу», отвѣчалъ дядя; «она стоитъ четвертакъ: за эту цѣну я ее купилъ жеребенкомъ.» — «А вы–то что за нее возьмете?» — «Это другое дѣло: непродажному коню и цѣны нѣтъ.» Кучеръ разспросилъ, гдѣ найдти савраску и хозяевъ его, и ушелъ.

Только что успѣлъ дядя воротиться къ намъ и разсказать новыя приключенія свои, а матушка потужить и пожалѣть, что онъ опять слишкомъ сухо обошелся съ покупателемъ и не торговался съ нимъ, какъ щегольская парная коляска съ зеленымъ кучеромъ и бѣлыми шелковыми возжами остановились у нашихъ воротъ. Мы бросились къ окну: дядя узналъ своего покупщика и вышелъ, взявъ на себя дѣло.

Савраску, по желанію посѣтителя, привели. «Что жъ ему цѣна будетъ?» спросилъ онъ. «Я вамъ сказалъ истину» отвѣчалъ дядя: «четвертакъ.» Но тому было не до шутокъ: большіе господа не всегда любятъ это. Онъ посмотрѣлъ на

дядю, сморщился было, но, вспомнивъ зависимость свою, или причудъ своихъ, отъ воли незамысловатаго шутника, принялъ опять спокойный видъ и сказалъ: «За моремъ телушка — полушка, да рубль провозу. Что вы возьмете за клепера?» — «Непродажному коню и цѣны нѣтъ», отвѣчалъ дядя, пословицей на пословицу. «Какъ же такъ» продолжалъ тотъ: «неужто жъ вы въ самомъ дѣлѣ не возьмете никакихъ денегъ за эту лошадку?» — «По крайней мѣрѣ торговаться не стану. Я сказалъ вамъ, что она не продажна.» — «Однако?» — «Шестьсотъ цѣлковыхъ!» отвѣчалъ дядя, съ рѣшительнымъ взглядомъ, но несовсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ: ему самому показалось, что онъ въ запросѣ превзошелъ всякую мѣру. Незнакомый обратился къ запяточнику своему и сказалъ ему: «возьми савраску и отведи его домой», полѣзъ въ карманъ, досталъ бумажникъ, вынулъ и отсчиталъ деньги и, подавая ихъ дядѣ, сказалъ: «пожелайте, чтобъ ко двору пришлась.»

Мы не успѣли опомниться, какъ коляска ужъ скрылась изъ виду.